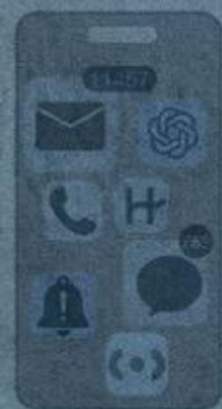


ВАША
СТАРАЯ
ВЕРСИЯ

БОЛЬШЕ
НЕ
ПОДДЕРЖИВАЕТСЯ



РОМАН

МАРИЯ ШКЛОВСКАЯ

Мария Шкловская

**Ваша старая версия
больше не поддерживается**

«Автор»

2026

Шкловская М.

Ваша старая версия больше не поддерживается / М. Шкловская —
«Автор», 2026

Мира уверена, что должна успеть сделать тринадцатилетнюю дочь звездой Бродвея — особенно теперь, когда ей кажется, что времени осталось гораздо меньше, чем она думала. Когда отец Полины отказывается помогать, Нью-Йорк кажется идеальным планом: Бродвей и люди, способные открыть нужные двери. А сама Мира боится открыть даже результаты МРТ и спасает себя и дочь от всего, что может случиться: открытых люков, медведей и проглоченных батареек. Пока Мира строит будущее дочери, у неё самой появляется настоящее: ночной джаз, мужчины из прошлого и абсурд онлайн-свиданий, где правила приложений действуют в реальной жизни, а ИИ становится её главным собеседником. Есть только одна проблема: у Полины уже есть собственный план на будущее.

© Шкловская М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Мария Шкловская

Ваша старая версия больше не поддерживается

Глава 1

Мира точно знала, от чего умрёт. Она проглотит лампочку. Точнее, она поддастся соблазну проверить, что же будет, если она возьмет её в рот и не сможет вытащить. Все знают, что засунуть в рот лампочку — это билет в один конец, но никто не пробовал. Хотя, возможно, это будет батарейка. Пальчиковая или мизинчиковая. Тогда точно проглотит и будет ждать, что же дальше, пока не приедет скорая, пожарные и полицейские. А здесь, в США, если что-то происходит, приезжают все службы сразу. Но, проглотив батарейку, она хотя бы сможет произнести «АА» или «ААА». Только бы не потерять контроль над собой и не дойти до всего этого! Ой. А как же она вызовет 911, ведь она не сможет говорить с лампочкой во рту...

Мира вышла во двор и отхлебнула несколько глотков кофе. Это была уже третья чашка кофе за утро, тарелка же с тостами так и стояла на столе; Мира не смогла притронуться к еде. Впрочем, еды в холодильнике особо и не было. Накануне Мира выбросила несколько йогуртов, сметану и молоко, посчитав, что у них вышел срок годности. Пора бы уже привыкнуть к странному американскому порядку месяц-день-год, чтобы не выбрасывать половину холодильника, боясь отравиться.

Утренняя жара резко сменилась прохладой. Неужели именно в день, когда ей предстоит лететь в Нью-Йорк, обещают сильные порывы ветра и дождь? Впрочем, не факт. Бостонская погода была абсолютно непредсказуема, и за месяц Мира к этому уже привыкла. Вызвать 911, да уж! После счета за такой вызов можно на всю жизнь остаться с одной почкой. Онлайн-сессии с психологом из Нижнекамска точно дешевле тебе выйдут, Мирочка. Она отдавала себе отчёт в том, что она всегда была довольно тревожным человеком, а после рождения дочери тревога только усилилась. Несколько её друзей настойчиво советовали ей психолога, ведь это облегчило бы ей самую жизнь. Но Мира предпочитала просто избегать всего, чего она боялась, ведь это гораздо проще. Мосты можно объехать, ходить куда-то ночью не обязательно, а рыбу вообще можно не есть, ведь на свете полно вкусной и здоровой еды без костей. Телефон психолога был записан в контакты, да всё руки не доходили. А пока забот у неё было и так выше крыши. Летний интенсив по танцу при Бостонской Консерватории — то, к чему она шла целый год. Не было лучшего старта для Полины, чем три месяца обучения в одной из лучших танцевальных академий мира. Её дочь должна была выйти на международный уровень, и Мира готова была сделать для этого всё возможное.

Посылки с Amazon так и не было на крыльце, а ведь она заказала доставку на раннее утро. Может быть, Вселенная давала знак, что сегодня ей не следовало никуда ехать?

Войдя обратно в дом, Мира тщательно ощупала свои щиколотки, чтобы проверить, нет ли на них клеща. Клещей в Массачусетсе много, и по умолчанию все они заражены болезнью Лайма. Мира открыла телефон и ещё раз бегло пересмотрела фотографии клещей, сохранённые в телефоне. Главное, не перепутать клеща с каким-нибудь жучком или муравьём. Мира знала, что в случае укуса действовать нужно было как можно быстрее — две баночки антибиотика всегда были под рукой.

Всего за месяц жизни в Новой Англии её ежедневная рутина незаметно для неё самой наполнилась механическими ритуалами. Осматривать себя, придя с улицы. Несколько раз

помыть руки с мылом после того, как прикоснулась к упаковке геля для стирки. Если случайно задержишь взгляд на рекламной надписи из журнала, её нужно прочитать слева направо, сочетаниями из двух букв, затем из трех букв так, и так по кругу, пока не дойдешь до конца слова. Не дочитаешь слово — попадешь в аварию по дороге. Иногда, конечно, ей удавалось себя убедить, что в этот раз точно ничего не случится и именно поэтому ей нужно остановиться. Прямо как в детстве — всё, сейчас не считается, «я в домике»!

Мира подошла к кладовке, открыла дверцу и убедилась в том, что лампочки и батарейки лежат на верхней полке в коробке, обклеенной скотчем. Для того, чтобы в порыве возможного сумасшествия их достать и проглотить, пришлось бы, по крайней мере, приставить стремянку. Стремянка же хранилась в гараже, а гараж был заперт. Все было предусмотрено на случай, если её одолеет внезапный приступ. Человек ведь может сойти с ума абсолютно внезапно. Несколько тщательно выстроенных уровней защиты успокаивали её. До смерти Кашея добраться было значительно проще.

Облегчённо вздохнув, Мира выключила свет в кладовке и заперла дверцу, затем вернулась и ещё раз включила и выключила свет. От этого раздражающего движения было трудно избавиться: до выключателя нужно было дотронуться чётное количество раз. Чувство незавершённости особенно тревожило её в те дни, когда ей нужно было уезжать. Она могла целый день мучиться, и навязчивые изображения постоянно всплывали в её мыслях.

Раздался звонок.

— У доктора Гольдмана небольшая накладка, вам удобно подойти на два часа раньше?

— Не смогу, я ещё в Бостоне, у меня утренний рейс. Давайте отменим или перенесём. Ничего страшного!

Мира испытала небольшое облегчение. Она, как будто, ждала форс-мажора. Но женщина из клиники не дала ей такой возможности.

— Ничего страшного, я перенесу другого пациента. Ждем вас сегодня! Не забудьте оригиналы обследований.

Мира зашла в спальню и бросила взгляд на открытый чемоданчик. Убедившись, что она ничего не забыла, она взяла скотч и, откусив несколько кусочков, наклеила себе их на уголки глаз, оттягивая кожу висков ко лбу. Прикрыв лицо волосами с двух сторон, она начала сравнивать своё отражение в зеркале с изображением на экране телефона. Наверное, мама была права, взгляд сразу стал более выразительный и распахнутый! От голода и от волнения перед предстоящей процедурой начинала болеть голова. Мира достала из аптечки таблетку «Пенталгина» и начала её крошить ножом на мелкие кусочки. Она боялась глотать таблетки, поэтому знала на вкус почти все. Когда-то она пыталась научиться, но безуспешно. Она брала таблетку в рот, наливая стакан воды, морально готовилась, но сдавалась, когда таблетка во рту превращалась в горькую кашу. Она пыталась размять банан или яблоко и спрятать таблетку туда, надеясь, что ей удастся обмануть свой мозг, но и этот вариант не проходил.

В этот момент позвонила мама. Она хотела убедиться, что Мира не передумала делать блефаропластику.

— Ты знала, что у твоей любимой Катки, герцогини Кембриджской, тоже усталый тип старения? Ничто так не бодрит, как сходство с королевской особой.

Мира понятия не имела, какой у неё тип старения. До сегодняшнего момента она даже не думала, что старость делится на типы. Вертикальные или горизонтальные морщины? Возможно, зигзагом? Или спиральные, закрученные, как годовые кольца на срезе дерева?

— У тебя же завтра процедура? Ты подготовилась?

— Да, мам.

— Слава богу. Рада, что ты поедешь именно к Гольдману! Ты же помнишь, что именно он Тане удалял комки Биша, когда в Москве жил.

Всё, что Мира с детства помнила о нём от мамы — это то, что он родился недоношенным, и одно яичко у него не опустилось в мошонку. Мама постоянно рассказывала эту историю знакомым подругам, у которых были мальчики. Мира надеялась, что когда она попадёт к доктору на приём и посмотрит ему в глаза, она хотя бы на время сможет это не визуализировать. Какая именно из маминых Тань к нему обращалась, Мира не стала уточнять. Она догадывалась, что это была соседка мамы по лестничной клетке. Та перестала здороваться с Мирой, потому что никогда не получала поздравлений с Татьяниным днём. Праздник, с которым нужно поздравлять человека лишь из-за того, что в роддоме он рандомно стал Татьяной, казался ей абсурдным. В детстве она сказала соседке, что если бы ту назвали Евдокией, то этого праздника у неё не было бы. Зато он был бы у неё самой, если бы мама назвала её Татьяной. Но её назвали Мирославой, и это гораздо лучше. А так несправедливо выходит, что Татьяны отмечают на один праздник больше, чем остальные. В любом случае, Мира не хотела знать медицинскую карту и содержание микрофлоры кишечника ни одной из маминых Татьян. А физиологические подробности в деталях — это был мамин конёк. Без смакования интимных подробностей мама редко начинала диалог.

— Гольдман просто волшебник, таких мордovorотов принцессами делает! Тебе повезло, что он сейчас в Нью-Йорке. Будет больше пользы от твоей летней поездки. Ты ущипнула себя с утра?

— Чего?

— С утра надо себя ущипнуть за руку и посмотреть, как быстро кожа разгладится и вернётся на место. Коллагена с каждым годом всё меньше. Я тебе говорила, что в твоём возрасте хотя бы раз в неделю нужно наблюдать за изменениями.

Пытаясь разрубить ножом последний кусочек таблетки, Мира задела палец и резко вскрикнула.

— Я порезалась.

— И личную жизнь, и карьеру нужно успеть построить задолго до того, как поплывёт овал лица, и на шее появятся кольца Венеры.

— Мам, у меня кровяца хлещет, я пойду за пластырем.

— Хорошо, что ты — не великая пианистка. Было бы гораздо обиднее. А так — заживёт. Особенно до твоей свадьбы. Гипотетической.

Один порез и сразу три диагноза от мамы. Переживать было нечего, конечно. За тридцать секунд Мира не только порезала палец, но и вспомнила о несложившейся музыкальной карьере и услышала очередной прогноз о свадьбе, которую не планировала.

Она открыла Google и снова набрала «типы старения». Усталый, мелкоморщинистый, отёчно-деформационный, с картинками «до» и «после». Сделала несколько скриншотов, пытаясь определить, какой именно тип подстерегает её в ближайшем будущем. Сорокалетие уже совсем близко, и все признаки скоро дадут о себе знать. Мира не задумывалась ни про веки, ни про мешки под глазами, пока мама не обратила на это внимание. Значит, надо было быстро избавиться от них за лето, пока никто из московских друзей её не видел. Маме было видней, ведь она лет с тридцати апгрейдила себя массажами, «витаминчиками», «уколышками», лифтингом и прочими процедурами, о которых Мира понятия не имела.

Мира услышала звук подъезжающей машины. Наверное, посылка из Амазона. Не стоило волноваться, никакой дурной знак ей Вселенная не подавала! Выбежав на парковку перед домом, Мира ошолбенела.

— Федя!?

— Изменился?

Перед ней стоял Федя. Её Федя, давний друг детства, с которым они прошли огонь, воду и что-то пострашнее медных труб — отбывание в тесной кладовке, вербальный абьюз детсадовских воспитательниц, горячее молоко с морщинистыми пенками и многое другое. Федю

увезли в США в десятилетнем возрасте, и с тех пор они периодически виделись, когда Федя прилетал в Москву. После того, как он женился, он стал приезжать гораздо реже, и они не так регулярно поддерживали связь. Иногда созванивались и обменивались сообщениями.

— Я не смог тебе дозвониться, поэтому приехал, как договорились. Ты не отвечаешь на смски.

— Так мы же на следующую пятницу договорились? А ты куда писал, русская симка у меня не работает.

— Всё тут работает, сейчас покажу, как включить. Дай хоть обнять тебя.

Они обнялись. Кажется, сто лет прошло, невозможно было в это поверить.

— Прикольная идея со скотчем. Но Хэллоуин только осенью.

Мира отклеила кусочки скотча с век. Федя взял её телефон и тут же увидел свежий скриншот.

— «Мелкоморщинистый или отечный? Пять признаков, которые вас расстроят».

— Меня уже мама расстроила. Лечу в Нью-Йорк, чтобы немного улучшить себя. Мне выезжать через двадцать минут. У меня даже меню было на следующую пятницу.

Мира, конечно, напряглась по этому поводу. Как неудобно перед Федей! Он так занят научной деятельностью, выкроил один свободный день в своём графике по спасению человечества от неизлечимых болезней, а Мира напутала дни. А пятнадцать лет назад, когда она впервые прилетела в Нью-Йорк, её закрутил в музыке и страсти сказочный вихрь эмоций, поднявшийся над Верхним Истсайдом. Это была взрывная химическая реакция, где смешались мельчайшие пузырьки, гул вертолета, соло Орнетта на трубе, сладкие слёзы, солёный смех, непрекращающиеся мурашки и бесконечная волна оргазмов. Она качалась на вибрациях этого торнадо, и весь мир вместе с ней хлопал на слабую долю. В последнее утро, когда они расставались, у неё закружилась голова даже от тени ивы на асфальте. Орнетт оказался полным мудилой, и их переписка на расстоянии вскоре сошла на нет. У головокружения нашлась реальная причина: анализ крови показал нехватку ферритина. Из-за той короткой внезапной влюблённости она не нашла времени увидеться с Федей. Но больше всего сейчас Миру пугало то, что она в принципе могла перепутать даты. Она всегда всё контролировала, а в её календаре стояли по три напоминания на каждое событие. Уж не ранняя ли это деменция? Надо бы поискать статьи на эту тему.

— Я собиралась тебя встретить селёдкой под шубой. Прости.

— С головой рыбы, как мы любили? — сказал Федя, возвращая ей телефон.

— И скелетом из майонеза! Мне так стыдно, что ты планы изменил ради меня.

— Не переживай, я сейчас безработный. Ушёл из биг фармы полгода назад. Строю свой стартап.

— Ого, ты крутой! Пошли я тебе быстренько кофе сделаю до отъезда.

— Вы надолго приехали?

— На всё лето.

— Я отвезу тебя в аэропорт. Как раз пообщаемся по дороге. Дай еще разок обнять тебя, не могу поверить!

Они снова обнялись и зашли в дом.

— Mam, ты так громко смеёшься, я не могу сосредоточиться на чтении, — прокричала из комнаты Полина и тут же в пижаме вбежала на кухню.

— Ты уже проснулась! Познакомься, это Федя, мы с ним вместе были в детском садике.

— Привет, что читаешь? — поинтересовался Федя.

— «Детство» Толстого. На лето много задали, и мама привезла целый чемодан книжек.

Полина ушла в свою комнату.

— Сколько ей?

— Тринадцать.

— Много читает?

— Она через год едет в Париж в Консерваторию Музыки и Танца. Пытаюсь ей сейчас дать максимум всего, несмотря на то, что у нее много репетиций.

— Она очень на тебя похожа!

— А твоим сколько?

— Александре одиннадцать, Роме восемь. Они по-русски не говорят. Я старался с ними много говорить, и моя мама им привозила русские сказки. Помнишь нашу любимую, где дед из лапы медведя сварил?

— Липовая нога! — громко прокричала Полина из своей комнаты. — «Скирлы, скирлы, идёт медведь, одна баба не спит, на моей коже сидит, моё мясо варит!»

Федя рассмеялся:

— Точно! Эта сказка на всех ужас наводила. Эмбер считала изучение русского потерей времени. Короче, я сдался. Начал писать докторскую в Harvard Medical School и потом сразу работа. С московскими родственниками полноценно они общаться не могут, — Федя на мгновение замолчал. — Классный дом!

— Это моей лучшей подруги Клэр, точнее, её родителей. Они уехали во Флориду открывать пекарню и разрешили нам здесь пожить. Повезло!

— Не то слово! С арендой тут тяжело.

Мира посмотрела на часы на экране телефона. До выезда уже почти не было времени, но впервые за утро ей не хотелось никуда торопиться.

— Нам пора?

Мира отдала Феде чемодан и пошла обнять Полину.

— Любимочка, ты видела пакетик в маленьком отделении твоей сумки? Супрастин — от аллергии, одна таблетка, если что. А но-шпу можно две, если сильно заболит живот.

— Мама, зачем это мне?

— На всякий случай! Вдруг я буду недоступна, и ты не сможешь позвонить.

Но Мира была доступна всегда, когда они с дочерью на время расставались. Она не могла переключить телефон на авиарежим даже на ночь. Мало ли что может случиться именно в ту минуту, когда телефон будет отключён. Вдруг, дочери понадобится номер страховки, а она его не знает. Или Мире срочно придется за ней куда-то ехать, поэтому она редко позволяла себе выпить бокал вина. Не может же случиться трагедия из-за такого недоразумения.

Мира плюхнулась к Феде в машину и протянула телефон.

— Можешь поставить на зарядку?

— У тебя восемьдесят семь процентов.

— Пусть будет сто. Мне так спокойнее.

— Чтобы дольше рассматривать типы старения?

— Мне нужно быть на связи!

Мира быстро свернула открытые приложения погоды, местоположения Полины, уведомления о торнадо и новости о преступлениях в соседних районах.

Как только они отъехали от дома, Мира попросила Федю срочно вернуться. Выскочив из машины, она тут же направилась к себе в спальню и достала с верхней полки книжного шкафа потрёпанную мягкую игрушку. Она быстро написала на бумажке: «Не бери сахар, в шкафу есть мёд. Вынь из розетки зарядки. Проверь плитку». Скрутив бумажку в трубочку, она положила её зверю в лапы и посадила его на столик в коридоре. Определить по внешнему виду, что это за животное, было почти невозможно. У него было тяжелое увесистое туловище, напоминающее медвежье, и узкая смешная утиная голова, сшитая из застиранного махрового полотенца.

— Мам, я слышу, ты опять Суплика мне посадила? Он такой тяжёлый и громкий, вечно у него в попе всё звенит.

— Я на секундочку!

Полина вышла из своей комнаты. Мира ещё раз крепко обняла дочку и несколько раз нежно поцеловала в лоб и нос.

— Если бы ты купила мне кота, мне было бы веселее оставаться. И тебе спокойнее.

— Обещай мне, что будешь на связи! Клэр скоро заедет за тобой. Люблю!

— И я люблю!

Коробка из Amazon уже лежала на крыльце. Мира быстро открыла её, достала солнечные очки, примерила их и убрала в сумку. Они были совсем тёмные и не просвечивали — то, что надо на первое время после процедуры.

— Ну, рассказывай, — начал Федя, когда они выехали на хайвэй. — Ты совсем не изменилась. Только стала еще красивее. И манеры стали лучше, больше не сморкаешься в людей?

— Да я всего один разок в Гришу высморкалась! У него была такая мягкая байковая рубашка с паровозиками, я не сдержалась.

— Или потому что Гриша ходил за тобой с карандашом и пытался показать, куда тебе его нужно запихнуть? Так что теперь, где ты? Спорю — джаз, концерты, творчество, вечеринки?

— Да прям! Нет, я работаю в одной фирме. Помогаю беспомощным французам в их нелёгкой жизни в России.

— Seriously? Я удивлён.

— Почему?

— Ты только о джазе в детстве и говорила. Мы домики строили, и ты каждый раз пристраивала к нашему домику сцену, а потом всю деревню собирала на свои концерты. Мы ссорились, мне нужен был гараж, а тебе — что-то похожее на амфитеатр.

— Честно говоря, подзабыла. Так давно было. А ты что, до сих пор колготки носишь? Они тянулись за тобой на километры, ты спотыкался в них.

— Чебоксарский трикотаж! Я каждый день их в офис надевал. Приходилось долго прыгать, чтобы они сели по фигуре, но это удобно, ведь брюки сверху необязательны.

Мира рассмеялась. Вот у кого была отличная память!

Не успела Мира и глазом моргнуть, как они с Федей доехали до аэропорта. Если бы можно было ехать подольше и хотя бы немного продлить их общение! Как будто давно забытый островок беззаботного и радостного детства внезапно и так явно нарисовался в её жизни. Впервые с предыдущего вечера Мира вдруг ощутила чувство голода и немного успокоилась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.